

Н.Л. Крылова (Институт Африки РАН)

«ХОРОШО ИМЕТЬ ЛЮБИМУЮ ЖЕНЩИНУ И ПРЕДАННОГО КОТА»

Павел Булыгин в Абиссинии

Так случилось, что в огромном массиве исследований, в традиционных комментариях к оригинальным источникам русской эмиграции «первой волны» в Африке гендерный подход либо вовсе игнорируется, либо затрагивается мимоходом. Исследователями-африканистами и востоковедами, публицистами, журналистами, оживленно изучающими общее и особенное в русской эмиграции, оседавшей на африканском континенте в первой половине прошлого столетия, сегодня уже довольно отчетливо выписана ее, так сказать, «мужская» история. Оно и понятно: за рубежи революционной России уходила русская армия в лице монархически настроенного офицерства, а также солдат, участвовавших в гражданской войне с большевиками, оставивших родину после поражения белого движения. За частями белых армий следовал мирный эмиграционный обоз: среди эмигрантов первой волны было немало представителей инженерного, медицинского корпусов, религиозных, философских, литературно-художественных кругов – словом, контингенты образованной российской буржуазии, дворянства, интеллигенции, также по преимуществу представленной в описываемую эпоху исхода из России мужской частью населения страны.

В то же время корпус русских эмигрантов – жен, дочерей, матерей, сестер соотечественников, покидавших революционную родину в одиночку или вместе со своими семьями, скромно расположился за исследовательскими скобками¹. Еще менее прописаны отдельные исторические портреты оказавшихся в Африке соотечественниц, хотя некоторые из них успели стать легендой для местного населения, о них написаны книги и сняты фильмы². На самом деле их место в жизни русских общин, роль в процессе адаптации к новой – чужбинной – среде весьма значительны и заслуживают отнюдь не меньшего исследовательского внимания, уже хотя бы потому, что в составе эмигрантского корпуса и отдельных его групп было немало женщин³. И предлагаемая нами гендерная интерпретация африканского периода жизни лишь одной русской эмигрантской семьи отчетливо высвечивает

без преувеличения выдающуюся роль женщины в истории эмиграции, богато иллюстрирует характер взаимоотношений мужчины и женщины и шире – брачно-семейных и иных форм социальных связей – как внутри самого эмигрантского сообщества, так и во взаимоотношениях с внешним миром, наконец, позволяет лучше понять истинное место женщины в самом явлении эмиграции.

* * *

Агата Титовна Фенвик-Булыгина (1897–1977), урожденная Шишко – жена лейб-гвардии ее императорского величества Петроградского полка капитана Павла Петровича Булыгина (1896–1936) – блестящего офицера, участника Первой мировой войны, Корниловского «Ледяного» похода (1918 г.), поэта, эссеиста, журналиста, эмигрировавшего из России в 1920 г.⁴ О нем мы сегодня знаем немало благодаря изысканиям ученых-африканистов, но прежде всего – кропотливой многолетней работе Татьяны Сергеевны Максимовой, внучатой племянницы П.П. Булыгина, издавшей к сегодняшнему дню две книги своего предка и возвратившей таким образом имя Павла Булыгина и в русскую поэзию, и в русскую историю. Ныне оно достойно чтится в России и особенно на его исторической родине, в городах Вязники и Гороховце Владимирской области, где теперь ежегодно организуются музыкально-литературные вечера памяти П.П. Булыгина, а также проводятся Булыгинские литературно-краеведческие чтения⁵.

Первое знакомство автора с материалами об этом человеке произошло в консульском управлении (ныне департамент консульской службы) МИД в 1992 г., когда собирались материалы о гражданских и профессиональных судьбах русских женщин, постоянно живущих в странах Африки со своими африканскими мужьями. Это были в основном справки и информации из посольства СССР в Эфиопии о составе и жизни русской колонии в этой стране на протяжении всего XX столетия. Однако как сам П.П. Булыгин попал в Абиссинию (нынешнюю Эфиопию), документально не освещено. Точных сведений об этом не оказа-

лось ни в документах МИД, упомянутых выше, ни в архиве Т.С. Максимовой, которая в те годы готовила к печати первую книгу его стихов. Вообще же богатство «послужного списка» этого человека заслуживает особого внимания. Вся его короткая жизнь, по словам современников, «напоминала сказку, занимательный роман, повесть о днях беспокойного сердца, рассказ о человеке, не желавшем покоя, всегда стремившемся в неизвестную и опасную даль»⁶. И об этом подробно рассказывает Т.С. Максимова в своих предисловиях к книгам П.П. Булыгина⁷.

Начало интересующего нас «абиссинского периода» предположительно приходится на конец 1924 г.⁸, но обнаружить хоть какие-нибудь официальные документы о пребывании Павла Петровича в Абиссинии также пока не удалось. И вот что удивительно: почти все периоды его жизни, его перемещения подтверждаются документально или датированы через его публикации. А вот абиссинский фрагмент жизни как бы выпадает из фиксированных хроник. И «спасла» историю этого периода его жена: почти все, что известно о жизни Булыгина в Абиссинии в эти девять с небольшим лет, собрано главным образом из писем Агаты и польской кузины Евгении Лембке, а также некрологов и его произведений⁹. Можно лишь предполагать, что из Европы П.П. Булыгин уехал только после того, как Франция признала существование Советского Союза. Тогда для многих русских эмигрантов, в том числе и для Павла Петровича, окончательно рухнула надежда на восстановление в России монархии. Когда встал вопрос об отъезде из Европы, Булыгин выбрал Абиссинию. В монархической Абиссинии к тому времени уже обосновались однополчане и знакомые по галицийскому фронту Первой мировой войны, по «Ледяному походу», по колчаковской армии. Возможно, предполагает Т.С. Максимова, старшие друзья Булыгина – лейб-гвардии его императорского величества Уланского полка полковник А.Н. Фермор (1886–1931) или российского императорского флота старший лейтенант А.И. Бенклевский (1880–1934)¹⁰ – могли позвать младшего товарища по оружию и мировоззрениям в эту гостеприимную христианскую страну, в которой сами оказались после того, как негус Эфиопии Хайле Селассие I в 1922 г. пригласил в свою страну русских специалистов. Наблюдатели из числа советских дипломатов, аккредитованных в Эфиопии, также отмечали (осно-

вываясь в том числе на документах местных архивов), что изначальным толчком для русских миграций из Европы в Эфиопию, проходивших самотеком в период с начала 20-х до середины 30-х годов, стала поездка императора Хайле Селассие в Европу в 1923 г., во время которой он, предположительно, пригласил в свою страну графа А.В. Татищева¹¹. Некоторые источники утверждают, что император Эфиопии, в лучших традициях своего предшественника, Менелика II, умело и доброжелательно использовавшего в своей деятельности «русский элемент»¹², также поощрял благоприятное отношение к русским эмигрантам среди эфиопов, оказывал русским помощь и поддержку, поскольку в основном это были выходцы из дворян или бывшие офицеры русской армии. Приведенные в документах МИД РФ списки русских эмигрантов и членов их семей действительно подтверждают высокую концентрацию в русской эмигрантской среде представителей буржуазной интеллигенции и дворянского сословия: за первый эмиграционный период в Эфиопии осело 17 бывших офицеров (из них два генерала), 6 инженеров, 4 врача, 1 протоиерей и 8 человек разных профессий¹³.

Нельзя не обратить внимание на то, что в своем социально-профессиональном срезе состав русских эмигрантов в Абиссинии был, что называется, типичен. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что в целом в социокультурном плане русскую эмиграцию первой волны в Африку можно без преувеличения назвать явлением беспрецедентным. И не столько по ее масштабам, сколько по значимости, исторической и культурной роли, которую сыграли эмигранты для африканских стран, их принимающих. Например, для Эфиопии это была не просто сотня иностранцев, вынужденных покинуть родину и поселиться там волею судеб. В тогдашних масштабах этого государства с его более чем скромным национальным корпусом профессионалов такой приток высококвалифицированной социально элитарной группы единомышленников был, несомненно, более ощутим и полезен, чем, например, для Европы или Северной Америки расселившийся там в те же годы и значительно больший по численности контингент русских эмигрантов такого же профессионально-культурного уровня. Ярким подтверждением сказанного явился и сам П.П. Булыгин, его профессиональная и литературная деятельность в Африке. Первая выражалась в достойном слу-

жении приютившей его стране в качестве военного инструктора пехоты армии негуса в Аддис-Абебе, затем управляющего государственной кофейной плантацией в Дубоне и, наконец, служащего во французской железнодорожной компании. Вторая – в оставленном им публицистическом и поэтическом наследии: в напечатанных в газетах «Сегодня», «Сегодня вечером»¹⁴, «Слово» (Рига, 1928 г.), «Руль» (Берлин) рассказах и путевых заметках («Русские в Абиссинии», «Современная Абиссиния», «Чем занимаются русские в Абиссинии», «Жизнь русских в Абиссинии», «На плантации в Абиссинии», «Утопленница», «Леваша», «XX-й век» и др.), циклах стихов, посвященных этому краю и вошедших в его поэтический сборник «Пыль чужих дорог», неоднократно публиковавшихся в Европе и Азии даже после его смерти. Таким образом, история жизни и скитаний этого человека по всему, без преувеличения, миру, вышедшие из-под его пера литературные произведения – еще одно замечательное открытие в череде восстановления забытых имен русской эмиграции «первой волны». Благодаря поисковым усилиям, прежде всего родных, а также историков и архивистов, сегодня мы имеем возможность читать его стихи и прозу, талантливо и поэтически выразительно воспроизводящие *ту* эпоху. Значительно меньше мы знаем о некоторых периодах его жизни, а также о самой личности этого человека во всей совокупности его индивидуальных характеристик, нравственных убеждений, мировоззрения, психологических импульсов, хотя известно, что благодаря именно такого рода информации можно получить более или менее четкий и непредвзятый портрет эмигранта-соотечественника. И эту «лакуну» знаний о личности Булыгина заполнили письма-воспоминания его вдовы из Америки, письма двоюродных сестер из Польши.

Однако о самой Музе столь насыщенной событиями, удивительной, но очень короткой жизни Павла Булыгина, известно немного. К сожалению, информация об Агате Булыгиной подпадает под «общее правило»: на сегодняшний день мы владеем еще меньшим объемом материалов, характеризующих российскую или европейскую юность одной из тех, кто позже разделит эмигрантскую участь своих мужей, отцов, братьев. Более или менее подробные биографические и иные – косвенные – данные и свидетельства о жене П.П. Булыгина, Агате Шишко, заботливо, буквально по крупин-

цам также собраны Т.С. Максимовой, любезно предоставившей автору возможность работать с письмами Агаты Булыгиной¹⁵. Свои неопубликованные заметки об Агате Булыгиной она начинает с того, что в самом начале изысканий – и в письмах, и в библиотеках, и в архивах – собирала лишь сведения о самом Павле Булыгине: «Фигура жены Павла Петровича оставалась для меня в тени поэта... Но в один прекрасный момент я вдруг осознала, что Агата Титовна Булыгина вырастает в самостоятельную значимую личность, достойную спутницу большого лирического поэта. Вдруг начинаешь понимать, что только такая всесторонне одаренная, умная женщина могла привлечь внимание Павла Булыгина...»¹⁶.

* * *

Агата Титовна Булыгина, урожденная Агата Генриетта Луиза Шишко, дочь полковника Тита Шишко, сестра приятеля юности Павла Булыгина, художника-реставратора Раймунда Федора Шишко, сама о себе писала мало, в основном старалась рассказать сестрам мужа о его жизни в эмиграции. В то же время из ее писем из-за границы и из архивных материалов возникает образ хорошо образованной женщины, художницы, владевшей шестью европейскими языками, не чуждой литературных интересов и обладавшей к тому же несомненным литературным талантом. Подборка ее писем к подруге, сестрам и коллегам мужа – бесценное свидетельство жизни, страданий и светлой любви двух русских изгнанников, сумевших крепко привязаться к приютившей их Африке.

Архив Т.С. Максимовой содержит 42 письма А.Т. Булыгиной к подругам, сестрам и коллегам мужа, написанных в период с 1958 по 1974 г., а также 50 писем подруги Агаты, Евгении (Жени) Лембке, в которых она, со слов Агаты Титовны, рассказывает сестрам о жизни той с П.П. Булыгиным¹⁷.

В общей сложности писем, где в том или ином аспекте говорится об Африке и о совместных годах жизни в Эфиопии семьи Булыгиных (Павел Петрович женился на Агате Титовне в 1928 г.), не меньше тридцати. «Африканские» вкрапления и зарисовки встречаются еще в десятке писем, адресованных подруге и сестрам П.П. Булыгина, присланных Агатой Титовной из Америки.

Несомненно одно: это были необычные, можно сказать, странные письма; ставшие настоятельной потребностью ее души, они адре-

совались подруге детства и двум женщинам, которых Агата *никогда не встречала*, знала о них лишь со слов и по воспоминаниям мужа и, будучи после его смерти очень одинокой (несмотря на новый брак), искренне привязалась к сестрам покойного супруга. Возможно, эта своеобразная переписка состоялась в силу стечения обстоятельств, когда, с одной стороны, моральные страдания Агаты Титовны достигли своего апогея, когда исповедь сделалась жизненно необходимой; с другой – когда появилась перспектива сочувственного внимания близких, ставшая бесконечно важной частью ее бытия. Была ли Агата Титовна именно таким человеком, каким она предстает перед читателем, – вопрос, на который по многим причинам сегодня уже невозможно получить ответа. Но ее письма – неопровержимые документальные свидетельства подлинности чувств этой женщины, когда «пером водило ее сердце», а правда, простота и естественность становились «главными их приметам»¹⁸.

В свою очередь, сестры Лембке начали переписываться с сестрами Булыгиными с конца 50-х годов (с наступлением «хрущевской оттепели») и пересылали им письма вдовы Павла, Агаты Фенвик-Циглер, из США. Горькой особенностью этих эпистолярных хроник является и то, что Агата Титовна пишет письма-воспоминания о событиях более чем тридцатилетней давности. Но от этой эпистолярной ретроспекции картины их африканского бытия не тускнеют, не теряют своих красок, скорее, наоборот, водоворот времени как бы шлифует портрет любимого и любящего человека в экзотическом африканском интерьере. Перед нами предстает совершенно новый образ человека, чьи дела и стихи выдают в нем не только мужественного героя и талантливое сочинителя. В формате ее воспоминаний вычленяется совершенно новая – скрытая от посторонних – его грань: это бесконечно добрый, сердечный человек, любящий детей и животных, нежно привязанный к семье, искренне страдающий без ее тепла. Для самой же Агаты Титовны эти письма – спасение от одиночества женщины, все по существу потерявшей с уходом единственно любимого в ее жизни человека.

«А главное – воскрешает мои годы жизни с Павлушей моим. Порой кажется, что это было вчера – и трудное, и бесконечно светлое – чем и живу вот столько уже лет. И, в сущности, мне ничего иного и не нужно было все эти го-

ды, и сейчас не нужно» (*из письма Агаты к сестре П.П. Булыгина Нюре от 20 декабря 1968 г.*)¹⁹.

Не исчезает в этих письмах и главное, что отличало Павла Булыгина – «воина, странника и поэта»²⁰, – его глубокая любовь к Родине, готовность мужественного и беззаветного ей служения, неизбывная тоска по ней...

Но все началось много раньше Абиссинии.

* * *

Есть несколько писем, в которых в том или ином контексте Агата Титовна рассказывает историю и даже предысторию знакомства ее с Павлом Петровичем Булыгиным.

«Павлушу я видела задолго до нашего “вместе”: я была у брата моего в Петербурге и мы встречались там с Вольдочкой – с ним был и Павлуша – высокий, надменный какой-то, в длинной шинели. Я знала, что у него невеста Таля – и совершенно не обращала на него внимания. Он скоро и ушел. Потом в Москве у Жени он “стащил” мою карточку. Это был снимок, сделанный, когда я еще была в гимназии – какой-то бал был и я получила приз за свой костюм. Костюм был настоящий, рязанский (моя двоюродная сестра тогда собирала *folklore* Рязани и дала мне его. На карточке (Павлуша хранил ее до своей смерти) я еще очень, очень молодая – шитый тяжелый костюм, толстая коса и очень “грустные” (так говорил он), а по моему, “тухлые” глаза (от чего тогда они должны были быть тухлыми? – не знаю.) Потом все это забылось. А Женя несколько лет спустя написала, что ее двоюродный брат Павлуша в Африке и чтобы я посылала ему книги. Переписки долго не было. Я посылала книги, получала открытки со “спасибо”. Потом стали идти письма, а потом так создавалась наша любовь, наша судьба, наша боль великая. Когда Павлуша приехал из Африки ко мне, было много смешного и дорогого сердцу. Помню, приготовив все к его приезду (комната, ванна, камин, книги, водка (!), икра и т.д.), я поехала на “taxi” на вокзал. Там я страшно оробела вдруг, и, когда поезд пришел, спряталась за колонну перрона и смотрела – где он? Все пассажиры вышли, перрон опустел, и никого я не увидела. Потом вдруг по ступенькам спустился Павлуша – огромный, худой, какой-то грустный, в широком пальто (я сразу узнала – сердцем – он!). Осмотрелся – перрон был пуст, я за колонкой – отдал чемодан носильщику и тихо пошел к выходу. Тогда-то я “подкралась к моей судьбе” (как говорил ласково

Павлуша). Вылезла из-за колонны, сзади подошла и взяла его под руку. (А в душе все же был страх – а вдруг не он?) Он прижал мою руку и сказал: “Солнышко, моя Агатынька”. И больше – ничего. По длинной, длинной лестнице спустились вниз и вышли на улицу. Шел снег. Все было бело. Не говоря ни слова, влезли в “taxi” (так мы думали) и начали целоваться. Потом – стук в окно. Какая-то пара стояла перед машиной. Оказывается, мы влезли в какую-то чужую, частную машину. “Taxi” стояло дальше. Сколько смеха было, спасшего смущение нашей первой встречи! Павлуша очень подружился с моей Мамой. Часами сидел на скамеечке, вытянув ноги, набивая свою трубку (никогда не курил сигарет или папирос) у ее ног. Чаше всего говорил о Михайловском, о вас всех, сестры, о своей Маме. Сколько знаю, ваша Мама никогда не узнала о его смерти». **(Из письма Агаты к сестре Павла Петровича Нюре от 19 октября 1965 г.)**²¹.

Вспоминает о начале их романа и подруга Агаты Титовны, Евгения (Женя) Лембке, в своих письмах к сестрам Булыгиным. Здесь акцент сделан на образе самой Агаты – женщины, несомненно, исключительно тонкой душевно, талантливой и просвещенной.

«Для нас любовь Агаты и Павлуши была прекрасна, как греческая трагедия – такие красивые, исключительно талантливые: он – поэт, она – художественница (так в оригинале. – Н.К.)». **(Из письма Жени Лембке к Нюре от 10 июня 1965 г.)**.

«Хотелось мне написать о Павлуше и Агате и их прекрасной любви. В 1922 г. Павел поехал из Берлина в Абиссинию, был там при реформе армии негуса Ras Tafari. А перед этим выдал свою первую книгу чудесных стихов. И вот, в 1924 г., Агата меня спросила: не наш ли родственник Павел Булыгин написал такие исключительные стихотворения, и просила о его адресе. Адрес я послала, но, зная фантазии Павла, упредила его, что моя самая лучшая приятельница Агата Богуш-Шишко²² напишет ему письмо, я боялась, чтобы он ее не третирует иронически. Он сначала обругал меня, что он дам имел поверх головы и от них тоже убежал в Абиссинию и т.д. и т.д. И вдруг чудесное письмо: что протянулась добрая ласковая дамская ручка и сердечно погладила его по голове, и что счастлив безмерно от письма Агаты. Началась между ними горячая переписка, прислали себе карточки: Павлуша был видным, красивым мужчиной, а Агата была высокой, выдающейся красоты блондинкой с огромными

голубыми, смеющимися глазами и зазорным носиком, т.к. Graca Monako (?) тоже происходила из аристократической семьи (ее двоюродный брат – генерал Зигмунд Богуш-Шишко приезжал в Москву в 1942 г. вместе с ген. Андерсом, Миколайчиком на подписание договора). А семья ее из Литвы и очень на высокой позиции. Красоты она была изумительной. В 1918 г. она вышла замуж за кого-то²³, но была замужем только год и вернулась к матери в Ригу, не хотела быть женой коммуниста, и на этом распался ее первый брак. Потом в Риге каждый месяц ей делали предложения. Павлушу полюбила по-настоящему, и в 1928 г. он приехал к ней в Ригу и они повенчались. Она знает шесть языков: английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и русский, работала в конторе путешествий. Потом они поехали в Париж, к Грише Тренину²⁴, жили у него несколько месяцев, может, год. Пасынок Гриши был в Парагвае, везде ведь творились колонии русских эмигрантов, и вот все так произошло, что на несколько лет судьба злая забросила их в Парагвай, в Assuncion. Поищи польскую книгу Мечислава Лепецкого (Lepeski), он написал очень интересную книгу о своем путешествии в Парагвай (1930–33 гг.) и там вспоминает о колонии белых эмигрантов, заложенной Павлушей, с фамилией о нем вспоминает – генерал Булыгин. Это фактическое доказательство, что человек с энергией, связями, живучестью, как наш Павлуша, и с молодостью его, что он мог на эмиграции сделать». **(Из письма Жени Лембке к Нюре от 28 марта 1963 г.)**. Об этих же достоинствах П.П. Булыгина говорили и другие: «Это был удивительный человек. Здоровый, сильный, мощный, ни перед чем не останавливающийся. Он мог, хотел и достигал» (здесь и далее подчеркнуто в тексте. – Н.К.)²⁵.

В письмах самой Агаты Титовны к его сестрам, которых, напомним, она никогда не видела, находим множество штрихов к портрету ее мужа, его характеристике и их отношениям. Все это неразрывно сплетено в единый клубок воспоминаний. По ее словам, «был он горячий, честный, прямой, вспыльчивый как порох, скоро отходящий и бесконечно добрый. Был верующий и любил семейные традиции, которые были почти те же, что и в нашей семье. Понимание друг друга давалось легко. Мы никогда не ссорились. Я никогда не слышала от него ни одного грубого слова. Иногда “дулись” друг на друга, но это проходило через час-два». **(Из письма Агаты к Нюре от 22 октября 1965 г.)**.

«Ты как-то, Нюра дорогая, написала, что он был очень горячий (вспыльчивый), но не только это – он “зажигался” как ракета от каждой эмоции. Хочу сейчас написать вам о тех моментах его вспыльчивости, которые остались в памяти будто было это вчера... Эта вспышка ярости (я не могу сказать иначе) была... в Париже. Мы были в русском ресторане, с нами были Куприн, поэт Поздняков, Борис Зайцев и два друга Павлуши²⁶. Поэт Поздняков (слышали ли вы о нем там у вас?) – страшно талантливый – совершенно (почти совершенно) слепой. Когда слуга принес еду, тарелка Позднякова была еще пуста, и кто-то (боюсь, что Куприн, который был уже очень пьян) положил ему на тарелку свернутую в комок салфетку. И Поздняков (очень утонченный, бледный, с красивыми тонкими руками) взял вилку и нож и начал резать “свою еду”. Салфетка скользила, и все хохотали. Мне стало больно за него, слепого, а когда посмотрела на Павлушу, я замерла от страха. Павлуша побледнел, как бумага встал, бросил свою салфетку (не пил, и не был “пьян”) и сказал: “Агатынька, мы займем отдельный стол, рядом. Вставай, Поздняков, не лучше ли быть среди друзей”. Помог Позднякову встать, мы сели за другой стол, и, уходя, Павлуша – высокий, бледный, злой – обратился ко всей компании: “Эх, вы!!”. И мы потом сидели отдельно. И как трогательно Павлуша резал еду для Позднякова, и говорили о совсем других вещах. Потом толстый пьяный Куприн подошел к нам, извинился и сказал: “Павел Петрович, простите меня, и Вы, его жена, простите. Я многого не понял...” Вскоре после этого Куприн уехал на родину»²⁷. **(Из письма Агаты к Нюре и Наташе от 6 июня 1966 г., Флорида).**

«Он был огромный – в толпе всегда на голову выше всех. Иногда среди друзей и близких смешливо спрашивал: “А что у вас там, внизу, холодно?”. Был видный, статный, особенный, женщины увлекались им одним только его видом. Он был сдержанным, со всеми одинаково вежливый и ласковый. И только на меня смотрел – в обществе, на приемах в Посольствах и т.д. – своим “орлиным” взглядом. Мне было всегда смешно и ласково, т.к. его взгляд говорил: “Все ли в порядке, были ли они (или он) вежливы с тобой?!..” Иногда урывал момент, подходил ко мне и тихо спрашивал: “Что он тебе говорил? Вел себя прилично?.. Тебе хорошо, Агатынька (иначе меня не называл никогда)?..” Сильно ревновал, если кто-нибудь долго говорил со мной, и, говоря с другими, одним ухом и

краем глаза следил за мной. Это меня сначала очень огорчало и злило, так как кроме него – любимого – никто вообще не интересовал. Это меня даже обижало. Но потом поняла я все лучше: это не я – как таковая – а его чувство “собственности” и чувство вечной осторожности, чтобы он – Булыгин – не был в смешном или глупом положении. Потом, дома, мы часто с Павлушей смеялись над тем или другим выпадом его, т.к. и он знал, что люблю и ничего не было и не могло быть». **(Из письма Агаты к Нюре от 6 октября 1965 г.).**

«Вспоминаю, как он огромный, ловкий носился по лужайке, играя с маленькой (4 года было ей) дочкой хозяйки в серсо. Помню, как, получив из-за границы деньги за свои статьи, спросил меня: “Что хочешь к Пасхе? Я хотел бы для тебя кольцо с бриллиантом...”. Я попросила: “... ради Бога, никаких бриллиантов, хочу что-нибудь живое...”. Подарил мне огромную абиссинскую корзину и в ней выводок пушистых черных утят, со своим стихотворением, которое кончалось так: “...но уток не жарить – это «табу»...”. Пропало это стихотворение в бомбежке со многими другими²⁸. Уток этих держали не для еды, конечно. Павлуша с помощью слуги выкопал для них прудок и сам устроил из бамбука “водяные трубы”, чтоб у них была всегда свежая вода. Равовался сам очень, походил на мальчика. Вообще, в нем было много юной нежности и к людям, и к животным». **(Из письма Агаты к Нюре от 7 июля 1970 г.).**

Читая эти строки, трудно представить, что это – тот самый Павел Булыгин, который в описываемый «абиссинский» период жизни предстает перед читателем как зрелый публицист, чьи историко-этнографические зарисовки жизни Абиссинии конца 20-х – середины 30-х годов, оценка психологического климата в русской общине и ее значимости для принявшей русских страны, художественность образов говорят о высокой духовной культуре этого человека и поистине бесценны для научных изысканий как живые и яркие свидетельства очевидца, культура наблюдения и последующего описания которого делает их серьезным источником для исследовательской работы: «Русская эмиграция последовольческого периода дала абиссинцам, знавшим до сих пор или зачастую свысока к ним относившимся посольства, или раболепствующих перед ними мелких торговцев, главным образом левантйского происхождения, или авантюристов всех национальностей и всех оттенков,

или просто преступников, скрывающих в не выдающей их стране себя и свои достижения, – совершенно новый вид европейцев: офицеров, инженеров, врачей и т.п. Русских здесь довольно много: 50–55 ч[еловек], они все интеллигентны, и, несмотря на весьма недружелюбные отношения между собой, они все-таки играют, безусловно, значительную роль в жизни страны, служа и работая по своей, а иногда и не по своей специальности. Многого, очень многого достигли бы здесь русские, если бы они примирились с жизнью на новом месте и стали координировать свои силы и возможность! Но... невозможное есть невозможное»²⁹.

И еще: «Жизнь в столице Абиссинии Аддис-Абебе течет медленно и однообразно под синим небом, под горячим солнцем, под усыпляющим шум ленивых эвкалиптов... Напрасно вновь приехавший европеец, привыкший к нервному пульсу жизни белого материка, будет стараться внести этот темп в свою работу и жизнь здесь – ему не вырваться из теплых усыпляющих рук Африки, он все равно уснет и во сне подчинится ритму тысячелетий.

Так же спокойно, не торопясь, идет жизнь и русской колонии здесь. Русские, быть может, лучше других иностранцев попадают «в ногу» чуждой им страны... Абиссиния вообще укрепляет нервы европейца, приучая его к философскому, спокойному отношению к окружающей его среде, уча не удивляться, не возмущаться, не раздражаться, все будет так, как быть должно, ничему не помешаешь, ничего не изменишь – все правильно, потому что неизбежно, – подчинись и радуйся тому, что есть, а есть много: и солнце, и небо, и звезды, и красивые люди, и радость жизни и жить недурно...»³⁰.

Эти же настроения – собственные и соплеменников, оказавшихся волею судеб в этой африканской стране, – П.П. Булыгин интерпретирует поэтически:

«Я развернул всю ширь мою,
Все отдал жизни без оглядки.
Теперь читаю жизнь свою
Один с свечей, в тиши палатки.
И пробегая цепи дней,
Душа сторевшему прощает.
И небо Африки родней
Чужими звездами ласкает...»³¹.

И еще:
«Прошли пылающие сроки,
Умолкло эхо гневных бурь,

И давней Родины лазурь,
И все, что с нею – так далеко...

Но жизнь, ушедшая в Пустыню,
Хранит тепло далеких дней...
И я свои тревоги ныне
Встречаю проще и ясней...»³².

У самой Агаты Титовны есть, без преувеличения, целый цикл воспоминаний, связанных с их абиссинской повседневностью, с людьми и животными, которые скрашивали их жизнь в Африке. Воспоминания эти трогательны и чудесно воспроизводят местную атмосферу. Сама она называет эти воспоминания «полными солнечного света, смеха, запаха цветов, ветра с гор, тепла нашего скромного домика, нашей Африки, которую так любил Павлуша». (Из письма Агаты к Нюре от 15 сентября 1972 г.).

«Дети льнули к нему и обожали его. Он был вспыльчивый, горячий, но отходил моментально и был бесконечно добрый. Масса юмора была у него, очень он любил моего брата (брат очень хорошо рисовал карикатуры на всех нас) и радовался каждой новой карикатуре на себя. В Африке он очень увлекался бриджем (карты), у очень хороших друзей играл три раза в неделю. Я тоже шла к ним и сидела с хозяйкой дома и ее детьми в большом зале, и часто, когда Павлуша бывал «выходящим», он сидел с нами, и девочки (их было три) лезли на его колени и просили: «Скоро, скоро сказку». И он в какие-нибудь 5–10 минут выдумывал для них сказки (о) котах, сверчках, о лунном луче, о ромашках в саду и т.д. Для Frex и для меня... Многое из этого у меня записано. А когда шли домой, впереди шел слуга с фонарем и наш белый сибирский кот Васька, мурлыча и ругаясь, что долго засиделись в гостях... И Павлуша говорил: «Знаешь, хорошо иметь любимую женщину и преданного кота». Я же спрашивала: «А не наоборот?» и Павлуша злился и крепко сжимал мне руку: «Не дразни!..». (Из письма Агаты к Нюре от 6 октября 1965 г.).

В одном из самых печальных своих писем сестрам Булыгиным Агата Титовна пообещала написать о радостных днях, проведенных вместе с любимым человеком в Африке: «Мое письмо – грустное и тревожное, но я потом напишу вам, дорогие сестры, о другом, т.к. с Павлушей в его хорошие дни всегда было и светло, и весело. Целую Агата». (Из письма Агаты к Нюре от 22 сентября 1965 г.). Но выполнила свое обещание только через семь

лет: «...сегодня хочу вас позабавить и написать о наших с Павлушей больших друзьях, которые давали нам много радости и скрашивали нашу жизнь в далекой Африке (и позже), о наших зверюшках разного рода и сорта». (*Из письма Агаты к Нюре, август 1972 г.*).

«Кот Васька»³³. Это был белый, без единого пятнышка, пушистый сибирский кот. Подарила нам его владелица ресторана, где мы, за неимением еще отдельного дома, сняли у нее во втором этаже, где она сдавала комнаты. Мы оба сразу полюбили его за «разговорчивость». Когда мы спускались вниз, в ресторан, обедать или ужинать, он кругами обходил наш стол и очень громко мурлыкал. Я один раз сказала: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...» и т.д. Павлуша это страшно понравилось. «Ишь ты какая!» – сказал он, а после всегда говорил: «Ну, пора, идем к Лукоморью...». Кот шел с нами обедать, завтракать, ужинать. Всегда с нами. Когда Павлуша работал или писал стихи, он брал кота «под мышку», в другую руку бутылку коньяку (против этого я «мурлыкала», так как у Павлуши уже было расширение сердца) и уходил к себе. Потом смирялась – ничего не поделаешь.

По вечерам Павлуша иногда играл в карты у наших друзей. Я карты не люблю и не знаю ни одной игры, но тоже шла к ним – у них было трое чудесных девочек (с которыми дружу и сейчас еще, через почти 40 лет и переписываюсь). Очень любила всегда детей (и они меня) и сейчас люблю. Если игра в бридж затягивалась и мы выходили из дома, в саду из-под куста выскакивал Васька и начинал страшный скандал, ходил вокруг наших ног, то мяукал, то подвывал как-то – и Павлуша, смеясь, говорил: «Ты слышишь, как он нас обругивает, что засиделись? Хорошо, что ты все понимаешь, некоторые слова его и повторить тебе или объяснить не берусь...». Спал Васька всегда у Павлуши в ногах (у нас были отдельные комнатки без дверей), а утром приходил ко мне и лизал меня в нос и щеки.

Скоро мы переехали на Юг в маленький городок-оазис. Жара там была страшная. В саду у нас был довольно глубокий бассейн (дом был от французской железной дороги, где мы оба работали). Когда было уже совсем невыносимо от жары, и Васька со всей своей роскошной длинной шерстью совсем изнемогал, мы его опускали в бассейн. Говорят, коты не любят воды, а вы бы видели, с каким наслаждением он плавал, все кругами, вдоль каменного парапета бассейна, подняв розовый нос свой кверху. А

шерсть его, как пучок белых страусовых перьев, плыла за ним как-то сама по себе – такая длинная была. Раз как-то вытащили его и поставили на парапет, не подумали, что камень раскалился от солнца. Он завизжал и начал замахиваться на нас передними лапами. Мы не смогли от него в ужасе по саду, умирая от смеха. Кончил он свое преследование нас в объятиях Павлуши, который, крепко держа его в руках, дул ему под хвост, говоря: «Ну, довольно, Васька, вот уже и прохладнее стало...»

Васька был у нас до самого нашего отъезда из Африки. Был нашим другом и «членом семьи». За обедом сидел за столом на специальном стуле. Один раз сорвал у гостя с вилки кусок рыбы и тут же слопал. Перед отъездом мы вернули его той же женщине, которая нам его дала, т.е. в его же семью, т.к. у нее было таких же белых и сибирских 6–7 штук – родители Васьки, его сестры и братья. Знали, что ему будет хорошо, но долго его вспоминали, и не хватало нам его очень³⁴.

Ежик Том. Привез его Павлуша из каравана. Жил у нас в комнатах. Топал ночью ножками по прохладному цементному полу. Во всех комнатах для него было по блюдечку с молоком. Были одновременно с Васькой. Дружили. Ежик не сворачивался от лапок Васьки, а Васька его не дразнил. Погиб Том от укуса тарантула. Эта гадкая бестия ужалила его прямо в горлышко под мордочкой. Когда мы утром увидели его уже мертвого и паука тоже на ручке соломенного кресла, где обычно Том спал, с нами был и Васька. Он вдруг прыгнул и ударом лапы убил тарантула.

Шакалик – тоже из каравана. Он сидел на цепи в саду и плохо приручался. И скоро вытащил гвоздь из садовой скамейки и удрал, к сожалению, вместе с цепью. Не из-за цепи, конечно, а что же вольный зверь потом делал с этими кандалами! Очень жалели, что сами его не отпустили на волю.

Две черепахи – «Патолла» и «Армада». Огромные, каждой из них было больше 250–300 лет (возраст можно сосчитать по орнаменту панциря). Довольно сказать, что Павлуша – очень большого роста и крепкий, стоя на одной из них и балансируя на круглой ее спине, «катался» на них по всему саду. Я их не любила. Головы похожи на змеиные. Когда приносила им салат и овощи, они часто плевались. И вообще, от них был плохой болотный запах. Жили они во дворе и в саду. Привели наш сад в ужасный вид, съедали растения и цветы, топтали грядки. Мы их отдали одному чеху³⁵, и он их

увез вместе с другими животными в Зоологический сад в Гамбурге. Когда я, после смерти Мама нашей, уехала к Павлуше, мой пароход отходил из Гамбурга. И там я пошла в Зоологический сад посмотреть на наших чудовищ. Привезла Павлуше от них “привет” – сделала снимок с них. Меня они, конечно, не узнали

Попугаи – “Pierre” и “Матильда”. Попугаиху отдала нам одна сентиментальная дама перед отъездом в Европу. “Нигде ей не будет так хорошо, как у вас”, – говорила она. В этом мы не совсем были уверены из-за Васки, и завели ей огромную клетку. Вскоре один знакомый француз, уезжая, тоже принес нам своего попугая-самца. Посадили его к Матильде. Но он скоро как-то умудрился поднять задвижку на дверцах клетки и улетел. Но каждый день прилетал и, сидя на клетке, о чем-то ворковал. Однажды (мы с Павлушей сидели на веранде и видели все это) он сделал несколько кругов вокруг клетки, потом клювом приподнял задвижку, и дверцы открылись. Оба испустили какой-то гортанный звук, и она вылетела. Посидели на клетке, опять что-то сказали и улетели. Мы никогда больше их не видели. После этого дали себе слово никогда ни одной птицы в неволе не держать». **(Из письма Агаты к Нюре от 20 августа 1972 г.)**

Лошади. В то время лошади – верховые и выездные – были только в иностранных посольствах. Так как Павлуша был известен и даже дружен со многими, он часто выезжал верхом со своими друзьями разных национальностей. Собственную лошадь он имел очень короткое время. Купил ее у своего друга, жившего за городом недалеко от нас. Звали кобылку – бронзовую и очень красивую – “Буренка”. Имя это, конечно, было больше коровье, и мы много смеялись над этим. Но так ее назвал прежний хозяин, так и осталось. Когда мы выезжали верхом вместе, для меня Павлуша доставал какую-то чужую лошадь, от кого-нибудь из друзей. Это было, конечно, не похоже на то, что было у нас раньше дома, когда каждый из нас имел свою лошадь, и отец, и мама, и брат, и я. Моя первая “лошадь” была просто осликом – мне было тогда 6 лет. Лошадка Павлуши, эта “Буренка”, была очень славная, любила Павлушу и шла к нему по первому его свисту. Но ему пришлось расстаться с ней. Для караванов, в которых и я участвовала, лучше иметь мулов. Они выносливее. А в горах так изумительно пробираются по узким векам протоптанным каменным тропинкам – и вверх, в горы, и вниз – в кручи. Павлуша обменял “Буренку” на

хорошего мула, но “Буренка” попала обратно к своему прежнему хозяину. Павлуша часто забегал к ней, приносил ей хлеб и кусковой сахар. Она его узнавала и весело ржала, приветствуя.

Потом Павлуша купил подержанный автомобиль. Порой жилось нам очень туго, и надо было что-то выдумывать, чтобы сводить концы с концами. Я рисовала открытки, к Рождеству шила кукол. Павлуша совсем ушел в свою литературную работу. В караван ходил уже очень редко. Шофер (нанятый) оказался простым вором, обманывал Павлушу и на бензине, и на своих поездках. Автомобиль был куплен Павлушей для “taxi”. Когда все это выяснилось – прогнали шофера. (Павлуша, по доброте своей, еще дал этому негру пару штанов и жалование за месяц вперед, потому что тот плакал). А автомобиль продали, стало легче жить на несколько месяцев.

А Павлуша продолжал тосковать о своей “Буренке” и посещал ее, как раньше. Я продолжала шить кукол, которые Павлуша не одобрял, говорил, что они слишком “слащавые” и т.д. Я же знала, что только такие (вопреки моим собственным понятиям о вкусе) только и нравятся, и только хорошо продаются.

Это о “лошадях”, но, кажется, вышло больше о нас самих.

Теперь о собаках. Их у нас было много, разных пород и “фасонов”. Всех их имен даже и не упомянуть. За все эти годы самыми любимыми были – пара чудесных пойнтеров, муж и жена, и крошечный сын их, щенок. “Муж” – Гром, “жена” – Шельма, “сын их” – Казбек (дань моему детству: у моего отца тоже был “Казбек” – пойнтер). К нашему большому горю, пара пойнтеров участвовала в какой-то драке и [оба] были укушены большой собакой. Очень скоро они заболели “Rabies” (бешенством) и их пришлось усыпить у ветеринара (тогда там не было превентивных впрыскиваний). Я долго и тихо плакала по ночам, а у Павлуши видела часто влажные глаза, когда кто-нибудь упоминал об этой погибшей паре.

Очень запомнилась маленькая дворняжка, белая с желтыми пятнами. Кто-то ее переехал на дороге. Лежала она в пыли под жарким солнцем в луже крови с размозженной передней ногой. Мы ее принесли домой, сделали ей теплую ванну, старались лечить. Назвали ее “Калечка”. Вызвали ветеринара, он уговаривал ее усыпить (хлороформом). Сделали ей хорошую постельку, лечили и кормили как могли. Но у нее началась гангрена. Ветеринар увез ее в свою клинику и ампутировал ногу

почти под самую грудку. Мы лечили ее дальше, она жила в доме и, хотя такого “низкого” происхождения, была чистая, ласковая очень. Вскоре (как быстро животные “зализывают свои раны”) все зажило, и она веселая, лая, носилась на своих трех ножках по двору за курами и голубями. Была очень привязана к нам и очень хорошим сторожем. Очень подружилась с молодым “Казбеком” (сыном погибшей пары пойнтеров), и когда мы уехали, мы передали и “Калечку”, и “Казбека” в очень хорошие руки наших друзей. Тогда нельзя было ввозить в Европу из тропиков.

Были еще и другие собаки – у кучера в конюшне сторожевые и т.д., но наши “домашние” были породистый “Казбек” и “Калечка” милая. Она, конечно, знала, что мы ее спасли от ватной маски хлороформа и была предана до предела. Но никак не уступала ни Казбеку, ни кошку Ваське своей постельки в моей комнате. Наверное, никого из них давно уже нет на этой земле, но верю, очень верю, что души животных живут дольше, как и наши (не смейся надо мной, Нюра!). **(Из письма Агаты к Нюре от 11 февраля 1972 г.).**

«Зверюшки, – тем не менее, напишет она тогда же, – это только улыбка нашей жизни, в которой было и много горького из-за недостигнутых целей. Много моментов, когда стискивали зубы в горечи и обиде за потерянное и недостигнутое». **(Там же).**

Это «потерянное», «недостигнутое» в эмигрантских скитаниях русской интеллигенции, в ее сознании почти всегда облекается в образ Родины, в ощущение ее безвозвратной потери, невозможности жертвенного и беззаветного служения ей... и все же в надежду на возвращение ее той, прежней, родной, горячо любимой России...

«Павлуша часто, всегда вспоминал дом, Михайловское, всех вас! Его стихи – чудесные – говорят об этом больше, чем я могла бы сказать. О нашей жизни с ним? Что? Так трудно. Он жил одной идеей, одной целью, которая может быть уже была нереальна... Я о многом, многом могу и хочу вам, мои сестры, писать о Павлуше, но... трудно. Поймите меня. Это – не мое, личное, что трудно, а другое. Он был рыцарь своей идеи, которой больше нет». **(Из письма Агаты к Нюре от 14 мая 1965 г.).**

Еще раньше современники говорили о нем, о его творчестве: «Этот сильный, мужественный человек был очень нежен и мягок, и грусть, разлитая в его стихах, неуклонно, неизменно была направлена в определенную сторону: сто-

рону России. Булыгин был верным рыцарем родины»³⁶.

* * *

В начале 1934 г. Булыгины окончательно покинули Абиссинию и выехали в Прибалтику, откуда начался последний, самый загадочный маршрут Павла Петровича: он встал во главе группы старообрядцев – переселенцев из России через Латвию и Литву в Парагвай. Но это уже другая история. Ее мы коснемся лишь, поскольку эпистолярно и поэтически она тесно переплетается с жизнью и памятью об Абиссинии, стране любви, творчества, счастья и несчастья Агаты и Павла Булыгиных.

«С годами все стало труднее – Павлуша стал очень сильно пить. Об этом трудно говорить в письме, т.к. корни этого были не у нас, не в семье, а в прошлом. Все, что он пережил, отдавая своему “делу” душу, сердце – если б надо было, готов был бы и жизнь свою отдать, – все это принесло ему, год за годом, горькие разочарования в самых близких, самых верных друзьях. Я переживала все это с ним, старалась уговорить его не принимать всего близко к сердцу. Я любила Павлушу, как и мою Маму, больше жизни своей, не знаю, кого из них больше. Оба они ушли из моей жизни и обоим им я осталась верна и буду такой до смерти. Ни моей Маме, ни Павлуше я никогда не могла сказать ни малейшей лжи. Они были – часть меня самой, как и я – их. В последние годы – 1934–35 – состояние Павлуши ухудшилось. Долгие годы жизни в Африке, на Абиссинском плато расширили его сердце. Врачи запрещали пить. Но он уже не мог этого бросить. Он пил, сидел ночи напролет над своей книгой (она вышла в печати через неделю после его смерти) и за стаканом написал много чудесных, нежных и глубоких стихов. Я ничего не могла сделать (наверное, недостаточно он меня любил!) – я могла только дрожать, молиться за него и быть всегда “наяву” – не фантазировать и не “засыпать”, чтобы всегда быть готовой помочь ему. Но и этого ему, вероятно, не так уж нужно было. Давал мне слово бросить все, нарушал это слово и страдал от этого (из гордости) больше, чем я. Я уже и не просила его о слове, об обещании. Иногда были “просветы” – не пил, работал, говорил о будущем... В такой просвет и пришел конец. Он ждал денег за свою книгу из Англии, возможности уехать (ненавидел Южн. Америку и хотел обратно в Африку). Очень хотел сына “Петьку” (никогда Бог и этого не дал!), строил планы. 17 февраля

1936 г. сидели на веранде. Павлуша читал вслух отрывок из «Трех мушкетеров». Вдруг задохнулся, откинулся и его не стало. Дом был полон чужих людей, прибежал доктор – все было кончено. Меня в тот момент обокрали – сумку со всеми документами, деньгами, даже шприц со стола, которым я делала в своем отчаянии последнее впрыскивание камфары. Все это грустно и страшно, Нюра, и как будто было вчера, а не 30 лет тому назад. В 3 часа дня в тот же день его похоронили. Моя жизнь тогда сломалась и... хромает». **(Из письма к Нюре от 22 сентября 1965 г.).**

Беззаветно и до последних дней жизни любила Агата Титовна Павла Булыгина, хотя пережила его на 40 с лишним лет (она скончалась в 1977 г.). После его смерти вступила в новый брак, который называла «служением совершенно чужому мне по духу человеку, который после смерти Павлуши протянул мне руку помощи». **(Из письма Агаты к Нюре от 14 мая 1965 г.).**

О своеобразном характере взаимоотношений Агаты Титовны с новым мужем пишет и ее подруга детства: «У Агаты Павлуша всегда на первом месте, а ее теперешний муж знает об этом и соглашается с этим, что он на втором месте в жизни, сердце и памяти Агаты... Для нее все дорого, что связано с Павлушей и ее жизнью с ним, горькой, но полной любви, поэзии, романтизма, экзотики». **(Из письма Жени к Нюре от 22 апреля 1963 г.).** «...Если бы жил Павлуша, она была бы и дальше его единственной и тоже горько любимой женой. Ведь его стихи о ней на огромной поэтической высоте: "...сплелось с любимым именем Агата...". Ведь она так же, как и он, была аристократка по происхождению и по таланту, и по душе, и по красоте. Годилось бы и Вам написать вдове по Павлуше. То, что вышла второй раз замуж – совсем другая история без тени любви». **(Из письма Жени к Нюре от 24 марта 1963 г.).**

Последней мечтой Павла Петровича было получить гонорар за английское издание его книги «Убийство Романовых»³⁷, расплатиться с долгами и вернуться в Абиссинию. И верность идеалам и мечтам Павла Булыгина, «рыцаря прежних времен», Агата хранила даже после его смерти. Похоронив его, расплатившись с банками (не только с помощью гонорара за книгу П. Булыгина, но и благодаря организации выставки собственных акварелей в Асунсьоне в мае 1936 г.)³⁸, она уговорила нового супруга и в 1949 г. «возвратилась» в Абиссинию, как бы исполняя мечту Булыги-

на, на целых восемь лет. Однако перед поездкой в Африку она организовала в Риге еще одну выставку акварельных рисунков и на вырученные средства издала посмертный сборник стихов Павла Булыгина «Янтари». Вырученных за выставку денег, правда, хватило всего на 200 экземпляров, поэтому стихи П.П. Булыгина Агата отправляла своим сестрам в рукописных списках³⁹. Собственно, именно с этого периода и началась ее активная переписка с сестрами Булыгина и подругой, которая ее нашла и познакомила с ними заочно.

«А «тащенную» карточку Павлуша всегда имел с собой позже. Она и родной флаг его родины, а также мое обручальное кольцо – с ним в его могиле... Все, что любил Павлуша, люблю неизменно – до конца». **(Из письма Агаты к Нюре, 1972 г.).**

Примечания

¹ Исключение, пожалуй, составляет замечательное издание РАН «Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века» (М., 2002), где наряду с весьма внушительным списком «действующих лиц Русского Конго», составленным Владимиром Рониным (он основан прежде всего на устных воспоминаниях многих десятков эмигрантов и их родственников, которые автор статьи записал в ряде европейских стран, США и Канаде, а также в России), собраны уникальные заметки русских женщин, обосновавшихся в Африке, в частности, Марии Сазонович-Кожиной, детально описывающие африканскую повседневность – собственную и аборигенов.

² Например, в 1993 году в АНДР вышел фильм алжирского кинорежиссера Д. Дамерджи «Блуждания», посвященный истории жизни нашей соотечественницы, русской исследовательницы Арабского Востока Изабель Эберхард. Вся ее жизнь, начавшаяся с вызвавшего скандал рождения и до окончательного разрыва с нравственно-духовными устоями своего времени и круга (она приняла мусульманство), до сих пор привлекает внимание как европейских, так и магрибских писателей и ученых. Примерами тому являются посвященная ей книга французской писательницы Эдмонт Шарль-Ру «Влечение к Востоку» (Париж, 1988) и фильм «Блуждания». А первые пробы пера Изабель Эберхард обратили на себя внимание еще в Швейцарии. Серьезные научные журналы публиковали ее статьи. Многие ее заметки по Арабскому Востоку и Алжиру до сих пор используются европейскими исследователями. Она рассматривается как первый магрибский автор, писавший на французском языке. Несмотря на все ее метания, внутренние противоречия, страсти, злоупотребление наркотиками и спиртным, Изабель Эберхард удалось остаться в истории личностью легендарной, окруженной ореолом загадочности и экзотики и одновременно одним из первых серьезных исследователей Арабского Востока.

В 2006 г. моментально разошелся тираж переиздания русской версии воспоминаний А.А. Манштейн-Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка» (СПб.). Эта легендарная женщина – последняя из могокан, бизертских заложников Революции в России – порядка шести тысяч моряков и их семей, эвакуированных в Тунис в 1920 г. на борту кораблей Черноморской эскадры.

В 2006 г. в московском издательстве «Русский путь» вышла книга воспоминаний Зинаиды Шаховской «Таков мой век», в которой одна из глав посвящена воспоминаниям о ее с мужем пребывании в Конго в период с 1928 по 1938 г. Эмигрантам посвящен сборник «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания», вышедший в этом же издательстве в том же году под редакцией Людмилы Флам.

³ Например, в Тунисе (по данным на весну 1926 г.) проживало 876 русских (500 мужчин, 200 женщин и 176 несовершеннолетних детей). (См.: *Habib Kazdaghli. La communauté russi de Tunisie (1920–1956)* // *Rawafi: revue universitaire de Tunis*. 1997. № 3). Несколько иная картина складывалась на российских судах. Тут основной контингент составляло морское офицерство и матросы, остававшиеся верными присяге и не покидавшие вверенные им корабли без специального приказа. К лету 1921 г. там оставалось 1442 человека, среди которых большинство составляли мужчины (1336 человек); женщин и детей было, соответственно, 70 и 36 человек (См.: Доклад П.П. Перфирьева о положении русских беженцев в Тунисе // *Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы*. Т. 1. Так начиналось изгнание: 1920–1922 гг., кн. 2. На чужбине. М., 1998, с. 67).

⁴ Будучи «офицером, лично преданным царской семье» (см. «Сегодня», № 174, 1928 г.), П.П. Булыгин по поручению вдовствующей императрицы Марии Федоровны прибыл в штаб адмирала А.В. Колчака в августе 1919 г. и по его распоряжению принимал участие в расследовании убийства царской семьи. Через Харбин, Владивосток и Белград добрался до Парижа. В период с 1921 по 1922 г. бывал в Берлине, некоторое время провел в Риге и Каунасе (Ковно).

⁵ Благодаря бескорыстию мецената Дмитрия Александровича Здравеского впервые были изданы в России стихотворения П.П. Булыгина («Пыль чужих дорог». М., 1998), также впервые на родном языке вышла его книга о работе следователя Соколова «Убийство Романовых» (М., 2000).

⁶ «Сегодня», № 162 от 15.06.1937, Рига, с. 8.

⁷ В своих заметках Т.С. Максимова пишет, в частности: «Павел Петрович Булыгин прожил на Земле всего 40 лет, но каких! В 19 лет он оканчивает Александровское высшее военное училище в Москве; в 20 лет проходит с молодежью Лейб-гвардии «мясорубку» сражений на реке Стоход и под Владимиром-Волыньским, где получил первое в своей жизни ранение; в 22 года – он в Добровольческой Армии, участвует в Корниловском – Ледяном – походе; затем возглавляет одну из попыток спасения Царской Семьи; попадает в Екатеринбургскую тюрьму, совершает побег из нее; пробирается в Крым, где организует охрану ЕИВ Марии Федоровны и других Лиц Императорской Фами-

лии; в 23 года по личному распоряжению ЕИВ Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны отправляется в Сибирь для выяснения истинного положения Государя и Его Семьи; в Омске он по приказу Адмирала Колчака становится помощником и телохранителем Следователя по Особо важным делам Н.А. Соколова; в 24 года Булыгин навсегда покидает Россию, уходя из Владивостока вместе с сербским подразделением Союзнических войск в Европу; в 28 лет, убедившись в окончательной гибели идеи Монархии в России, Булыгин покидает Европу и почти десять лет живет в Абиссинии (Эфиопии); в 38 лет он возглавляет группу переселенцев-старообрядцев и создает русскую деревню в девственных лесах Парагвая. Скончался Павел Булыгин в Асунсьоне, столице Парагвая, через две недели после своего сорокалетия». (Из личного архива Т.С. Максимовой. Не опубликовано).

⁸ Сведений о точной дате приезда П.П. Булыгина в Эфиопию нет. И это неудивительно: информация о многих русских эмигрантах «первой волны», оказавшихся в Африке, за редким исключением, весьма скромная и обнаруживалась не сразу. В Абиссинии Булыгин прожил до первых чисел 1934 г. (паспорт на выезд из Абиссинии Булыгину был выписан во французском консульстве Харара 7.12.1933 г. – въездная справка из Управления Национальной полиции Парагвая была прислана Т.С. Максимовой из Асунсьона Люси Джовин, жительницей Асунсьона. Ее мать – Елена Константиновна, урожденная Граматчикова – дочь доктора Граматчикова, того самого врача, который констатировал смерть П.П. Булыгина. Люси, по утверждению Т.С. Максимовой, уже давно собирает материалы по русской диаспоре Парагвая и сейчас готовит к изданию книгу).

⁹ Но и здесь есть некоторые трудности: до своего приезда в Эфиопию Павел Булыгин каждое стихотворение, каждый рассказ помечал не только датой, но и местом написания. Эти пометки дали возможность проследить чуть ли ни день за днем путь молодого офицера от гимназической скамьи до последних дней его пребывания в Европе. В Абиссинии же, и позже в Парагвае, как отмечает Т.С. Максимова, он почти перестал помечать свои произведения. В лучшем случае, выезжая из Эфиопии в Европу, Павел Петрович ставил под стихотворениями страну, но чаще всего не писал даже года.

¹⁰ Эти фамилии упоминаются также в списках русской эмиграции в Эфиопию, находящихся в архиве ДКС МИД РФ (см.: справка Посольства СССР в Социалистической Эфиопии «Русская колония в Эфиопии» от 22 июля 1977 г.; информация консульского отдела Посольства РФ в Эфиопии «О русской миграции в Эфиопию и правовом положении граждан РФ в этой стране» от 31 марта 1993 г. Копии этих документов хранятся в архиве автора). В статье П.П. Булыгина «Жизнь русских в Абиссинии» («Сегодня», Рига, № 172, 29.6.1928) также есть несколько весьма живописных зарисовок из абиссинского периода жизни «старшего лейтенанта А.И. Бенклевского, по обязанности своей прошлой службы здесь – инспектора винной монополии, исколесившего всю страну и побывавшего в уголках, редко доступных глазу европейца». У П.П. Булыгина, кроме того, есть стихотворение, посвя-

щенное А.И. Бенклевскому (см.: *Булыгин, Павел*. Пыль чужих дорог. М., 1998, с. 200), а также стихотворение, посвященное А.Н. Фермору в период, когда тот находился в «Ледяном походе» (там же, с. 245).

¹¹ Подробнее см.: справка Посольства СССР в Социалистической Эфиопии «Русская колония в Эфиопии» от 22 июля 1977 г.; информация консульского отдела Посольства РФ в Эфиопии «О русской миграции в Эфиопию и правовом положении граждан РФ в этой стране» от 31 марта 1993 г. Архив автора.

¹² Подробнее см.: *Хренков А.В.* Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 года). М., 1992, с. 117.

¹³ В дневниковых записях Н.И. Вавилова и статьях П.П. Булыгина, кроме перечисленных в архивных документах МИД СССР лиц, упоминаются еще несколько русских, живших в тот период в Абиссинии. Среди них «свирепый М.Я. Омельченко, набросившийся на меня за название Ленинград, за большевизм» (*Вавилов Н.И.* «Страна для философии земледелия замечательная» // «Природа», 1978, №10, с. 53); торговец Дмитрий Николаевич Трофимов в русском магазине Ионова (там же). О нем вспоминает в своих очерках и П.П. Булыгин: «Есть здесь и русский магазин Ионова, являющийся вместе с тем местом встреч русской колонии – нечто вроде клуба, здесь служит, когда-то кадет морского корпуса, Трофимов» (*Булыгин П.* Чем занимаются русские в Абиссинии // «Сегодня», Рига, №173, 30.6.1928). Булыгин упоминает и о полковнике Наумченко, жившем в Джибути – «городке крошечном» (тогда французский порт на сомалийском побережье Красного моря, откуда шла железная дорога в Абиссинию). «Полковник Наумченко служит в управлении железной дороги уже 3 года. Можно только удивляться его выносливости, так как трудно встретить на земном шаре место более теплое (в буквальном значении этого слова), чем Джибути» (*Булыгин П.* Русские в Абиссинии // «Сегодня», № 165, 21.6.1928). Упоминает П. Булыгин и об «умерших теперь: полк. граф Платов и морской инженер-механик Петерсон» (*Булыгин П.* Чем занимаются русские в Абиссинии). Наконец, еще одна яркая фигура, не вошедшая в списки МИД СССР. Это – штабс-ротмистр Д.Л. Вельяшев, бывший изюмский гусар. Это он, по словам П. Булыгина, «недавно еще здесь (в Аддис-Абебе. – Н.К.) в Министерстве иностранных дел служил уехавший теперь в Европу ... бывший помощник нашего военного агента при главной итальянской квартире во время войны (1914 г. – Н.К.)» (там же). В своих примечаниях к книге стихов П. Булыгина Т. Максимова отмечает, что Д.Л. Вельяшев около 1928 г. действительно уехал из Абиссинии в Европу (*Булыгин Павел*. Пыль чужих дорог, с. 279). У П. Булыгина есть стихотворение, посвященное Д.Л. Вельяшеву (там же, с. 211) и его супруге, В.П. Вельяшевой (там же, с. 187).

¹⁴ О сотрудничестве П.П. Булыгина с газетой «Сегодня» и «Сегодня вечером» упоминается в историко-библиографическом очерке Ю. Абызова «А издавалось это в Риге. 1918-1944», М., 2006, с. 163-164.

¹⁵ Агата Булыгина характеризуется как «литератор, сестра рижского художника Шишко, жена поэта, прозаика и журналиста П.П. Булыгина». (*Флейшман П., Абызов Ю., Раввин Б.* Русская печать в Риге. Из

истории газеты «Сегодня» 30-х годов // Славянская история в 5-ти томах. Т. 4. Между Гитлером и Сталиным. 1935-1936 гг. Стенфорд, 1998, с. 38).

¹⁶ Из личного архива Т.С. Максимовой.

¹⁷ Т.С. Максимова сообщает, что у Агаты Титовны Фенвик-Булыгиной, урожденной Шишко, был старший брат Раймунд Федор Шишко (1894–1952) и младшая сестра Маргарита (Рита) Олсуфьева (1901–1978). Дети Шишко с младенчества росли вместе с детьми Лембке, которые являлись кузенами Павлу Булыгину (Мария Эдуардовна Булыгина и Зоя (София) Лембке были родными сестрами): Раймунд дружил с Вольдемаром (Вольдой, Вольдочкой) Лембке (1896–1924?), Агата всю жизнь поверяла тайны своей любимой подруге Евгении (Жене) Лембке (1895–1969), Рита же до самого конца жизни Марии (Мани) Лембке (1901–1972) опекала ее и мечтала вытащить из Польши в Америку.

¹⁸ *Correspondance littéraire, philosophique et critique*. P., 1881. Т. 15, p. 129-130.

¹⁹ Стилистика, орфография и пунктуация писем не менялись.

²⁰ Цитата из рецензии Петра Пильского на книгу стихов П.П. Булыгина «Янтари» (Рига, 1937), опубликованную в газете «Сегодня» от 15 июня 1937 г. (№ 162), Рига. Именно под таким названием опубликован в «Новом журнале. The New Review» (N.Y., 1997, № 208, с. 291-301) очерк Т.С. Максимовой, посвященный жизни П.П. Булыгина.

²¹ Весь курсив – цитаты из писем и документов личного архива Т.С. Максимовой. Фрагменты писем даются с датами их отправки.

²² В первом браке Агата Титовна была замужем за кузеном Шишко-Богушем, большевиком. Брак длился очень недолго.

²³ См. предыдущую сноску.

²⁴ Григорий Тренин – владимирский гимназический приятель П.П. Булыгина. Позже жил и скончался в Буэнос-Айресе.

²⁵ «Для всех». Рига, № 13, 1936 г.

²⁶ Т.С. Максимова предполагает, что это – братья Лучаниновы, Дмитрий Гаврилович и Сергей Гаврилович, оба полковники Лейб-Гвардии Петроградского полка, полковые товарищи П.П. Булыгина.

²⁷ Т.С. Максимова думает, что эпизод, описанный вдовой Булыгина, мог происходить в конце 1935 г. Павел Булыгин уехал из Риги в Парагвай один в 1934 г., т.к. мать его жены была при смерти и дочь осталась ухаживать за ней. К мужу Агата поехала только после смерти своей горячо любимой матери в конце 1935 г. Вернее всего, что Булыгин, взяв отпуск, приехал в Париж встречать жену. Тогда становится понятна фраза из письма вдовы: «Вскоре после этого Куприн уехал на родину». Известно, что в Советский Союз из Парижа Куприн выехал в последних числах мая 1937 г., и это «вскоре» укладывается в год с небольшим. Но в следующем письме от 29.09.66 г. Агата пишет: «Это было в 1928 году». Тогда это событие могло произойти во время приезда Булыгиных из Абиссинии в Париж, но отрезок времени с 1928 по 1937 г. трудно определить, как «вскоре». Познакомить Агату с Позняковым Павел Булыгин мог в 1928 г., но стычка с Куприным все-таки, вернее всего, произошла в 1935-м.

²⁸ Само стихотворение утеряно.

²⁹ Булыгин П.П. Русские в Абиссинии // «Сегодня». Рига, № 165. 21.6.1928.

³⁰ Булыгин П.П. Жизнь русских в Абиссинии // «Сегодня». № 172, 29.6.1928.

³¹ Из цикла «Плены пустынные» // Булыгин Павел. Пыль чужих дорог, с. 212.

³² Там же, с. 230.

³³ Рассказы об этом коте встречаются еще в нескольких письмах Агаты. Вероятно, это животное играло значительную роль в обыденной жизни четы Булыгиных и пользовалось очевидным их вниманием.

³⁴ Коты были любимыми животными семьи. Приведем еще одно воспоминание из письма Агаты Титовны к сестре Нюре от 12 июля 1968 г.: «Павлуша очень любил котов. В Африке у него был белый персидский кот – Васька. Идя после завтрака к себе в комнату, Павлуша имел под рукой белого, пушистого Ваську, а в другой руке – бутылку коньяка. И тогда писал свои самые чудесные и нежные стихи! В Парагвае, когда я после смерти моей мамы поехала туда, там был уже другой кот “Шанко” (по-абиссински – “негр”). Он был

совсем черный, без единого пятнышка. Сидел на переплетении обеденного стола, сложив лапки (как мы с Павлушей смеялись над этим), а потом – подмышкой Павлуши покорно шел с Павлушей в его спальню “писать стихи” (очень хорошие)».

³⁵ Черепахи эти предположительно были подарены П.П. Булыгиным Бернгарду Гржимеку.

³⁶ Из рецензии-некролога А. Перфильева на посмертный сборник стихов П. Булыгина «Янтари», Рига, 1937 г. // «Для вас». Рига, № 26 (184) от 27.6.1937.

³⁷ Издание книги П.П. Булыгина «Убийство Романовых» осуществлено в России в 2000 г. по инициативе Т.С. Максимовой и Н.И. Андреева.

³⁸ «Новое русское слово», № 8482 от 21.4.1936. Т.С. Максимова пишет, что Агата, как и ее отец и старший брат, хорошо рисовала. Ее акварели были очень милы, а на старости лет она подрабатывала праздничными открытками с русской цветочной тематикой (см.: «Новый журнал. The New Review». New York, № 208, 1997, p. 299).

³⁹ В архивах Т.С. Максимовой хранятся эти списки – 57 стихотворений из сборника «Янтари».

